

Ксенофан: первый опыт рационального обоснования идеологических принципов

Всякая идеология утверждает принципы, с которыми соотносятся мысли, настроения, эмоции, мотивации поступков и сами поступки. Мировоззренческими и идеологическими принципами (последними, предельными основаниями) люди руководствуются в понимании и интерпретации ситуаций и задач. Под словом «идеология» здесь понимается та или иная совокупность представлений, задающих человеку основные смысловые установки при видении и истолковании мира, совершении поступков. Идеология, в отличие от мировоззрения, – это намеренно развиваемая, продумываемая и – главное – *распространяемая* совокупность основных воззрений на мир (с тенденцией к системности). Мировоззрение (в отличие от идеологии) может быть непродуманным и непубличным.

Типы идеологии мы различаем по специфике их последних оснований (принципов) и способу утверждения этих оснований. Мифологическая (родовая) идеология основывается на преданиях о героических и обожествляемых предках, а утверждается путем повествования; деспотическая идеология основывается на повелениях деспота и утверждается путем принуждения, насилия; религиозная идеология основывается на божественных откровениях (священных текстах) и утверждается путем суггестии [1].

Философская идеология отличается тем, что для своего утверждения использует не столько повествование, принуждение или суггестию, сколько *рассуждение*, которое могло бы убедить единственно своей аргументацией, апелляцией к здравому смыслу, благоразумию. Философ не кликушествует, не повелевает и даже не изрекает «мудрость», но только рассуждает, а его оппоненты могут проследивать ход рассуждений и соглашаться с ними или нет. Определенная мера рассудительности, рациональной связности представлений должна быть свойственна не только философии. Однако философская идеология *рациональным* путем не только получает выводы из принципов, но и утверждает сами принципы (последние основания) – в противном случае она превращается в идеологию какого-то иного типа (как это случилось, например, с советским диалектическим и историческим материализмом). Специфической чертой философской идеологии является *неограниченная* рассудительность.

Философская идеология древних греков зародилась как один из возможных способов выработки общих воззрений и норм жизни. Взамен мифологических антропо- и зооморфных предков (своих у каждого рода) философы предлагали считаться с каким-либо *архэ*, принципом, задающим единый порядок во всей вселенной. *Архэ* – функциональный аналог предков, как бы «предок» всех возможных предков, то, из чего все происходит, то, что задает единый космический порядок.

Особенности исторического развития позволили древним грекам (или вынудили их) выработать свой особый тип упорядочения межродовых отношений, позволяющий в спорных вопросах апеллировать не к авторитету деспота или божества, но к авторитету безличного закона. Вместе с тем нужна была и соответствующая идеология, объясняющая, оправдывающая, легитимирующая полисную форму общества и государственной власти. Идеология родового,

деспотического или религиозного типа в данном случае не отвечала бы требованиям. Создав полис, общество, в котором главенствует закон, греки выработали и соответствующий ему тип идеологии – философию.

Ксенофан из Колофона подобно милетским философам, пифагорейцам и Гераклиту пытался определить то начало, которым обусловлен мировой порядок. Однако он не просто противопоставил свое мнение о начале мира расхожим людским мнениям, но впервые в истории философии попытался *рационально обосновать принципы* своего учения. В результате у него получилась философская (не религиозная) концепция единого божества.

Суть концепции Ксенофана дошла до нас лишь в изложении доксографов. Очевидно, что изложить ее они могли не более адекватно, чем сумели понять. Скорее всего, дело не обошлось без существенных искажений. Например, в изложении Диогена Лаэртия выводы Ксенофана представлены так: «Сущность бога шарообразна и ничуть не схожа с человеком: он весь целиком видит и весь целиком слышит, но не дышит, и всецело – сознание (*νοῦς*), разум (*φρόνησις*) и вечен» [2]. Это изложение дает повод воспринимать ксенофановское понятие божества комически: кажется, будто поэт-сатирик, каковым он прослыл, только для того осмеял традиционных богов, чтобы подменить их каким-то «колобком».

Из *собственных* философских фрагментов Ксенофана, дошедших до нас, особенно важен следующий: «Истины точной никто не узрел и никто не узнает / Из людей о богах и всем, что я только толкую: / Если кому и удастся вполне сказать то, что сбылось, / Сам все равно не знает, во всем лишь догадка бывает» [2, с. 173]. Здесь об «истине» говорится в противопоставлении «догадкам» (мнениям). Мнения эти относятся к богам. Люди мыслят и поступают ориентируясь на богов как на авторитетные инстанции, не отдавая себе отчета в том, что боги *мнятся* людьми. Причем люди мнят богов по собственному подобию: «Эфиопы... черными и с приплюснутыми носами, / Фракийцы – рыжими и голубоглазыми...» Чтобы убедительнее показать, что людские мнения о богах могут быть нелепы, Ксенофан доводит мысль до абсурда: «Если бы руки имели быки и львы или <кони,> / Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди, / Кони тогда б на коней, а быки на быков бы похожи / Образы рисовали богов и тела их ваяли, / Точно такими, каков у каждого собственный облик» [2, с. 171].

Некоторые полагают, будто весь вклад Ксенофана в становление философской мысли заключается в сатире на богов и не более [3]. По существу, Ксенофан первым из философов применил «скептический метод», который должен очистить мышление от догматических установок прежде, чем начнется «положительная» работа мысли.

Каким же образом можно дознаться об истинном божестве? Ксенофан избрал путь не произвольных догадок и не мистической интуиции, а рассуждения. Мог ли на роль непревосходимой, предельной инстанции претендовать кто-нибудь из родовых богов греческого пантеона? Нет, ведь превосходство любого из богов относительно. К тому же никто из богов не может быть принят за идеал – любому свойственны те же пороки, которые есть и у людей. Ксенофан писал: «Все на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только / У людей позором считается или пороком: / Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать» [2, с. 171].

Ксенофан попытался постичь предел совершенства, или «бога», исходя не из мифов, а из разума, опираясь на рассуждения. В отличие от родовых богов, «предельная инстанция» не может быть порожденной, поскольку это уже означало бы что она не предельная, но нечто имеет некоторое первенство перед ней. Она вообще не может возникнуть. Если она есть, то есть всегда.

Далее. «Предельная инстанция» может быть мыслима только как *одна*: наличие еще хотя бы одной делало бы любую из них уже не предельной (или не

«высшей», не «изначальной», не «абсолютной» и т.п.). То, что она одна, означает, что ей ничто не противостоит и она ничем иным не ограничена. Это означает также, что она не разделена на части чем-то иным и, следовательно, *еди-на*. Это единство, монолитность, вероятно, Ксенофан не мог выразить иным образом, кроме как сравнением с шаром – просто не нашлось в тогдашнем лексиконе подходящего слова. Но по существу «предельную инстанцию» нельзя представлять в виде шара: поскольку она ничем не ограничена, постольку не имеет краев, периферии, следовательно не имеет и центра. Выражаясь современным языком, надо было бы сказать, что в ней нет привилегированной точки отсчета, привилегированных частей, мест и направлений, т.е. она изотропна.

Понятно также, что «бог» Ксенофана не может быть конечным, но вместе с тем не верно было бы считать его и бесконечным, поскольку бесконечность немыслима и ввиду немыслимости была бы тождественна с не-сущим, а предельное совершенство нельзя считать не-сущим.

Далее, нельзя сказать, что «бог» движется. Чтобы констатировать его движение, необходима какая-то внешняя по отношению к «богу» система отсчета, но нет ничего «внешнего» для «бога». Нельзя сказать, что «бог» изменяется, это означало бы, что он становится чем-то иным, но он не мог бы стать иным, потому в его совершенстве должно мыслиться уже «все», что могло бы быть. Вместе с тем, нельзя сказать, что «бог» не движется и не меняется, потому что тогда мы сказали бы о нем как о не-сущем. Выходит, «бог» у Ксенофана – по ту сторону рассудочных определений: он «ни то и ни это» или же «и то, и это». Для человеческого разума «бог» непостижим. Подобные ходы мысли воспроизвели спустя тысячелетия Николай Кузанский и Спиноза.

Ксенофан осуществил рассудительное восхождение к метафизической идее, выходящей за пределы возможного человеческого опыта, из-за чего рассудок, по выражению Канта, впадает в «диалектическую» путаницу.

Рассуждения Ксенофана, скорее всего, были непонятны современникам и поэтому подверглись искажениям при пересказах. Из доксографов, пожалуй, лишь неоплатоник Симпликий по складу своего разумения оказался в достаточной мере подготовленным для корректной передачи мысли Ксенофана. Он писал: «Одно начало (и причем ни конечное, ни бесконечное, ни движущееся, ни неподвижное) или всеединство (*εν και παν*) сущего принимал Ксенофан Колофонский, учитель Парменида». Защищая теорию Ксенофана от искажений, Симпликий подчеркивал: «он понимает под его [бога-сущего] пребыванием не покой, противоположный движению, но пребывание, трансцендирующее движение и покой». «...Он доказывал, что [начало] ни бесконечно, ни конечно, ограниченным же и шарообразным, по словам [Александра], он называл его [метафорически], потому что оно со всех сторон подобно» [2, с. 164–165].

И еще одна мысль Ксенофана, изложенная доксографами, кажется или темной, или даже нелепой: «бог» *весь* целиком видит и слышит и одним лишь помышлением «все потрясает» [4]. Между тем, эта мысль оказывается вполне «здравой» и логичной, если не забывать, что Ксенофан говорит не о привычных для древних греков «природных» богах, а о метафизическом «боге». Этот «бог» не имеет ничего вне себя, чтобы созерцать нечто как противостоящий ему объект. Все, что он может созерцать, принадлежит ему самому, он не помещен ни в какой «горизонт». Поскольку он един, всякое созерцание совершается всем его существом, а не в какой-то из точек. Мышление «бога» – это «мышление вообще», но только не абстрактно-теоретическое, а конкретно-событийное. Его мышление есть событие, не отделенное от действительности, и, как таковое, оно «все потрясает».

Теория Ксенофана о едином божестве не смогла вписаться в мировоззрение древних греков, ею пренебрегали, ее искажали и отвергали. Принятие теории

Ксенофана требовало бы отказа от веры в традиционных, каждому понятных родовых богов в пользу единого и непостижимого божества. Ни одна античная теория, кроме ксенофановской, не посягала на достоинство родовых богов. Так, даже самые радикальные скептики предлагали всего лишь воздерживаться от суждений, но не отрицали богов, а неоплатоники хотя и утверждали в своей философии верховенство Единого, однако оставляли множеству богов («чисел») их законное место. Для свободолюбивых и состязательных греков мысль о едином божестве, наверно, была нетерпима. Их социальная жизнь предполагала состязательное единство многообразных родовых общин и укладов. Для них были приемлемы лишь такие идеологии единства, которые не отрицали и не подавляли многообразных родовых верований. Тех, кто хотя бы подозревался в отрицании богов, приговаривали к смертной казни или изгнанию. Такая участь постигла Анаксагора, Протагора, Сократа, хотя они не были настолько радикальными в отрицании родовых богов, как Ксенофан, который предлагал своего «бога» не наряду с другими, а вместо других. Несмотря на то, что учение Ксенофана не было по достоинству оценено ни в древности, ни в последующие эпохи (вплоть до современности), оно косвенно – через рецепции Парменида – оказало выдающееся влияние на историю европейской философии.

Если Ксенофан не позаимствовал свои идеи у Парменида [5], то именно его следует признать первооткрывателем философского способа обоснования принципов. В таком случае ему следовало бы уделить более серьезное внимание, чем это принято в привычных курсах истории философии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Суггестия* (от позднелат. *suggestio* и фр. *suggestion*) – внушение, наитие, научение, интуиция; духовно-психическое влияние на человека с целью побудить его к определенному поведению. (См.: DUDEN – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim: Dudenverlag, 1999.)
2. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М., 1989. – С. 157.
3. В качестве примера приведем суждения видного историка философии В. Виндельбанда: «Ксенофан не был ни мыслителем, ни исследователем. Это был просто убежденный и одаренный пылким воображением адепт науки, заимствовавший свои идеалы с Востока и давший науке совершенно религиозную окраску. Ироническое отношение к антропоморфизму мифологии и злора, с которой он преследовал поэтов как создателей этих снабженных всеми пороками и слабостями человеческой природы богов, исходят из представления о Боге как о высшем существе, совершенно несравнимом... с человеком». «...В этом обнаруживается поворот к теологическому направлению...». «Влечение к изучению природы у колофонского философа вообще невелико, а его представления имеют иногда совершенно детский характер и далеко уступают познаниям милетцев» (Виндельбанд В. История философии. – К., 1997. – С. 37–38).
4. См. фрагменты А 1, А 32, В 24, В 25, О 47.
5. Такое предположение, не получившее, впрочем, поддержки, выдвинул К. Райнхардт (K. Reinhardt. *Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie.* – Bonn, 1916). См.: Богомолов А.С. Античная философия. – М., 1985. – С. 80; Рожанский И.Д. Ранняя греческая философия // Фрагменты ранних греческих философов. – С. 18.

S U M M A R Y

The author distinguishes different types of ideology (mythological, despotic, religious and philosophical) and proves that Xenophanes was the first who applied a philosophical substantiation of principles.

Поступила в редакцию 30.08.2004